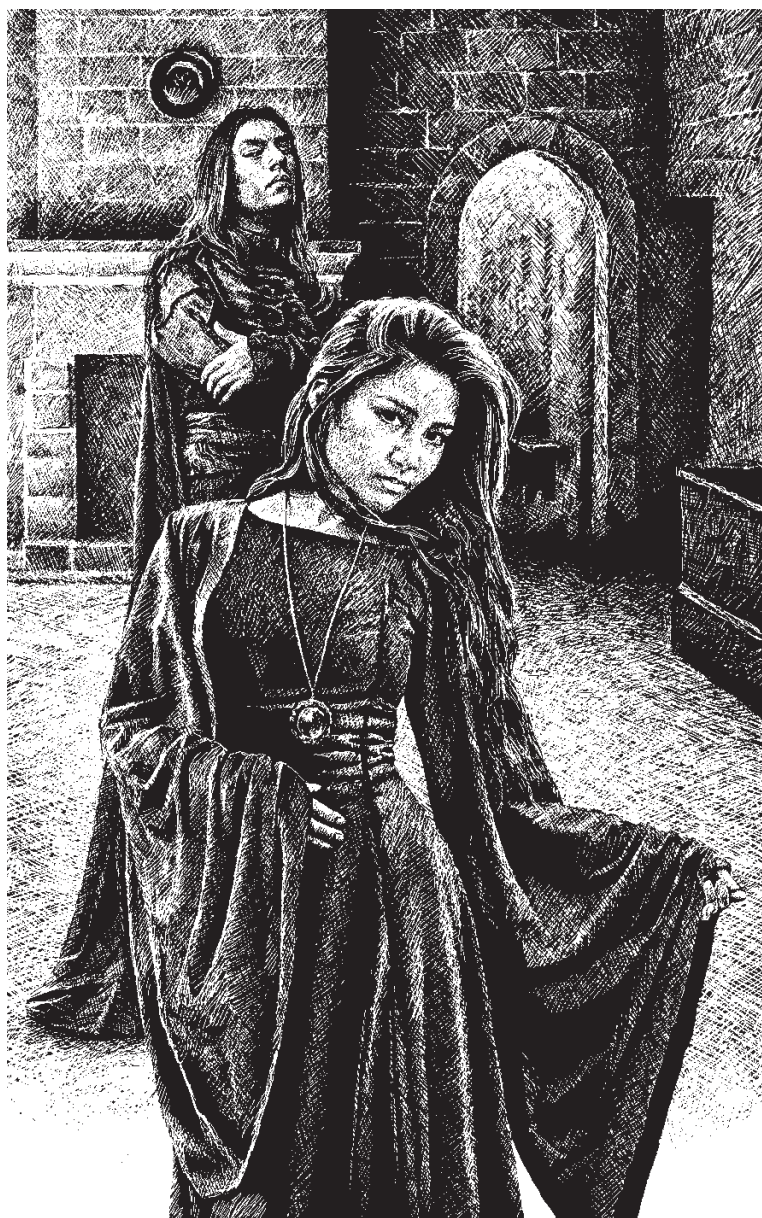

Ольга Соврикова

РОЖДЕННАЯ ЖИТЬ
НЕПРИКАЯННАЯ

ПРОЛОГ

Удар! Еще удар. Блок. Перекат. Блок. Темнота....

Открываю глаза и вижу удручающую картину — сэнсэй недоволен. Просто так мне сегодня с тренировки не уйти. Пропустила довольно простой удар, и теперь мне добавят, догонят и еще добавят.

Двенадцать лет я занимаюсь восточными боевыми искусствами, причем учителем моим является самый настоящий сэнсэй, известный как в Японии, так и за ее пределами. Вот только из своей страны он ни разу не выезжал, да и мне не надо, потому как моя семья тоже проживает в Японии. За все это время он похвалил меня всего лишь один раз. Мой любимый учитель похож на гранитную глыбу, такой же крепкий, спокойный, невозмутимый и непробиваемый, причем как в прямом, так и в переносном смысле. За все прошедшие годы моего ученичества я научилась определять его чувства по глазам, и вот сейчас ясно вижу его недовольство и разочарование. Тренировка окончена, я тороплюсь домой. Мне кажется, что внутри меня натянуты струны, и вот именно сейчас они стонут от напряжения и тревоги, которые я испытываю. Несколько лет назад я впервые прислушалась к своей интуиции, после чего мои тренировки сразу вышли на новый уровень. И сегодня эта клятая интуиция просто захлебывается от ужаса. Я боюсь думать о том, *что* с неотвратимостью снежной лавины надвигается на нашу семью.

Да, я глупо подставилась под удар. Бой нужно вести со спокойным сердцем и холодным разумом, отрешившись от эмоций и проблем, но именно сегодня я не смогла этого сделать. Пропал мой отец, мой папочка, Старцев Ярослав Владимирович. По гражданству он был русским, а вот мама японка. Познакомились они в Москве в Российском университете дружбы народов. Мама, Амиа Накатоми, училась в медицинском институте университета, а папа в составе строительной бригады занимался ре-

монтом аудиторий. Нет, он у меня тоже имеет высшее образование, окончил архитектурный институт, но вот сразу устроиться на работу не сумел, подрабатывал простым строителем. Целый год русский богатырь Славка ухаживал за миниатюрной японочкой, доказывая ей, что действительно любит и беречь будет, и никогда не бросит, а она взяла и поверила. Поженившись, они четыре года прожили в России, а потом мама закончила учиться, и отец решил, что Япония ничем не хуже России, а он ради своей Амиа отправился бы и на Северный полюс. Родители моей мамы приняли его хорошо. У дедушки был небольшой магазинчик строительных материалов. Жили они очень скромно. Папа взялся за дело, и уже через пять лет семья Накатоми переехала в большой собственный дом. Основной бизнес был развернут в России. Япония являлась поставщиком. С десятков небольших магазинчиков давали стабильный доход.

Все было отлажено и работало как надежный проверенный механизм, но вот совсем недавно появились проблемы в России. Отец уехал. Первые два дня звонил каждый вечер, но внезапно телефон умолк на десять дней. Его заместители твердили все время одно и то же: уехал на переговоры с большими людьми, просил не беспокоиться. А как не беспокоиться? Семья у нас маленькая, бабушка умерла четыре года назад, и теперь нас четверо: дедушка, мама, папа и я. Мама к бизнесу отца и деда не имеет никакого отношения, она у нас целитель. Не медик, а именно целитель. Массаж и лечение травами — это ее стезя. Травы она выращивает сама и сама же делает настойки, притирания, сборы трав в виде лечебного чая. Я у них одна на всех, любимая дочка и внучка, но избалованной меня назвать нельзя.

Старцева Миира Ярославовна — упрямая, целеустремленная, и память у меня хорошая. В три года, посмотрев мультфильм «Кунг-фу панда», решила, что тоже хочу так. В четыре меня отвели к сэнсэю. По причине малого возраста я не понимала, что мне предстоит пройти, чтобы стать мастером, но к шести годам взвыла от все увеличивающихся нагрузок и решила бросить истязания меня маленькой. Не получилось. Не знаю, что тогда уже разглядел во мне мастер, но бросить занятия он мне не дал. Отвел в музей и познакомил со всем разнообразием холодного оружия. Дал возможность к нему прикоснуться. Именно с этого момента мой бунт закончился навсегда. Я заболела оружием, и ни один парень до сих пор, а мне уже шестнадцать, не смог составить ему конкуренцию. Соревнования? Глупость. Нет. Мой сэнсэй каждые три месяца устраивает мне спарринг с

бойцами, превосходящими меня в умении владеть оружием, но на официальные соревнования не допускает. «Ты учишься не для того, чтобы красоваться перед зеваками, считающими себя большими специалистами буквально во всем. Моя задача научить тебя защищать и защищаться, а красивое дрыганье ногами оставим для других», — говорит он. Именно поэтому никаких званий и поясов, определяющих уровень моего мастерства, у меня нет. Есть учитель, и он до сих пор остается для меня недоступной величиной.

И все-таки звание у меня есть. Я завоевала первый юношеский разряд в спортивных танцах, и на этом моя танцевальная карьера закончилась. Зачем мне танцы? Мне?! Сэнсэй решил, что дополнительное обучение ритму, умение слышать музыку всем своим естеством мне просто необходимо, ибо бой с оружием — это всегда танец. Смертельный. Завораживающий. Прекрасный. Чем сильнее воин, тем красивее танец смерти в его исполнении. С восьми лет до пятнадцати я танцевала, с оружием и без, но всегда с партнером. Сколько себя помню, я училась, училась и когда отдыхала — тоже училась. Никаких свиданий, никаких гуляний и шумных вечеринок. Курить, выпивать — ни божь мой! Я не просто тренированное дитя, я дитя двух культур. Оба языка для меня родные. Дома с папой и мамой — по-русски, а вот с бабушкой — только по-японски. Обе культуры мне близки и понятны и ругаться я тоже умею на обоих языках. Папа высокий блондин с серыми глазами, а мама маленькая, хрупкая, темноволосая, темноглазая — вечная девочка. А я? А я просто красавица! Ну правда красавица. Рост метр семьдесят пять, стройная как тростиночка, грудь маленькая, ладони узкие, пальцы длинные, волосы густые черные, блестящие, брови папины, взлет. Глаза чудо как хороши! Большие, чуть вытянутые к вискам, темно-карие, а густые, черные, длинные ресницы не только не нуждаются в туши, но и создают иллюзию подводки. И конечно, губы — сплошной соблазн!

Поклонников у меня очень много, а вот парня как не было, так и нет. Да и зачем? Мне вот папочка обещал меч, самурайский, древний. Это — да! Только бы он нашелся...

Я выросла в любви и заботе. Отец буквально на руках нас с мамой носил, причем одновременно обеих. И вот...

В России появились какие-то настойчивые покупатели. Им очень понравился наш бизнес, они решили его купить буквально за копейки. Папа уехал и пропал, через две недели вслед за ним в сопровождении адвоката уехала обеспокоенная мама. По-

звонила она лишь один раз и рассказала, что нашла отца в СИЗО. Его задержали по обвинению в убийстве одного из его заместителей. Затем в течение пяти дней ее телефон сообщал мне, что абонент находится вне зоны доступа, а на шестой день я узнала, что у меня больше нет родителей. Было больно. Очень больно! Я все ждала, что вот сейчас раздастся звонок и они войдут, и все окажется чьей-то ошибкой, а они все не приходили и не приходили.

Домой тела моих родителей доставил адвокат нашей семьи. В сопроводительных документах сообщалось, что моя мама погибла в результате несчастного случая под колесами автомобиля, которым управлял нетрезвый водитель, а отец, пытаясь незаконно освободиться из-под стражи для того, чтобы попасть к ней в больницу, был застрелен при попытке бегства. Единственный вывод, который я смогла сделать, — это то, что мой упрямый и гордый отец не согласился отдать все заработанное своим трудом, и вот теперь его нет. И мамы нет. Похороны забрали у нас с дедушкой очень много сил, но я молодая, а дедуля старенький. Он держится, боится оставить меня совсем одну. Я ведь еще несовершеннолетняя. Из России нам сообщили, что вся собственность, ранее принадлежавшая моей семье, изъята за долги. Какие долги? Кем изъята? Единственное, что мы смогли с дедом сделать, это официально перекрыли поставки в якобы закрытые склады и магазины. Они думают, что смогут перезаключить договоры по таким льготным ценам сами? Пусть попробуют.

И вот спустя полгода после смерти моих родителей, я через Интернет отследила судьбу папиного детища, сети магазинов под маркой «Накатоми», они обанкротились. Теперь на самом деле обанкротились.

А я продолжаю заниматься. Нам с дедулей пришлось сменить дом. Мы теперь живем на проценты с семейного капитала. Пусть денег немного, но нам хватает. Но вот заниматься с сэнсэем я не бросила. Наоборот, теперь я отдаю этому занятию не только все свои силы, но и душу. Время идет, через полгода стану совершеннолетней, нужно думать о дальнейшем образовании, а я даже не представляю, чем бы мне хотелось заняться. Куда поступить? Чему учиться? У меня в России остались дедушка, бабушка, два дяди и тетя, но я их никогда не видела. Папин отец — бывший военный, бывший сотрудник компетентных органов, жуткий непримиримый тип. Когда он узнал о маме, в их семействе разгорелся скандал. Жена — японка! Сын едет на

ее родину и собирается получить второе гражданство! А как же Леночка, дочка генерала Краско? Позор! В тот день мой папа стал сиротой, ибо в семье Старцевых «умер» старший сын. Про меня он им не сообщал. Так что они вроде бы есть, но их вроде бы нет... Ну и не очень-то и хотелось. Бог им судья.

Я вступила в права наследства, стала совершеннолетней. Выбрала институт. И осталась на этом свете совершенно одна. Умер дедушка. Сколько проживу я сама, тоже неясно, и дело не в здоровье, а в настойчивом ухажере. На похоронах дедушки на меня обратил внимание сын старого дедушкиного друга. Не внук! Сын! Дядька лет пятидесяти. Низкорослый гиббон с кривыми ногами, буквально обвешанный золотом. Именно с этого момента моя жизнь стремительно покатила под откос. Пока шла церемония прощания, этот уважаемый член общества все пытался меня за руку схватить, встать поближе, в гости напрашивался. Я отказалась с ним встретиться, так он два дня спустя сам припелся. Не пустила. На следующий день попытался схватить на улице — вывернулась. Пришла домой — сидит на моем диване, как у себя дома. Оказалось — дом у меня дрянь, а обстановка не соответствует японскому стилю жизни. Замки в моих дверях уже поменяли, они его тоже не устроили. Но я ему нравлюсь, и с завтрашнего дня он лично займется моим воспитанием, потому как его жена должна быть не только такой красивой, как я, но и послушной, покорной, учтивой и просто совершенной *японкой*.

Нос я ему сломала, из дома выдворила. Личный водитель подобрал своего шефа, увез, а я собрала самые необходимые вещи, документы, сняла наличные и пустилась в бег. Слишком много нехорошего я об этом человеке слышала. Сила, власть и влияние на его стороне. Имея двойное гражданство, я надеялась успеть выехать из страны. Не успела.

Никогда раньше не задумывалась о том, в каком мире мы живем. Жизнь показала, что с древних времен ничего не изменилось. Все как и прежде. Правят сильные и богатые, и плевать им на чужие чувства, жизнь, желания. Уже подъезжая к аэропорту, обратила внимание на огромные информационные табло. На них с небольшим перерывом крутили ролик, главной фигурой которого была я. С большим удивлением узнала, что буквально час назад Миира Накатоми совершила ограбление валютного обменного пункта и находится в розыске. Эта персона, оказывается, очень опасна, владеет боевыми искусствами, может быть вооружена огнестрельным оружием. Всех заметивших

меня просили не предпринимать попыток к моему задержанию, а просто сообщать о моих передвижениях, доверив эту сложнейшую задачу профессионалам.

В этот момент я поняла — все, не вырвусь. Да, я отличный мастер контактного боя, но в двадцать первом веке это может помочь отбиться от шпаны в подворотне, но убегать от группы людей с огнестрельным оружием в городе, напичканном камерами... А при помощи психотропных средств сломать можно любого, даже самого сильного. Ну почему? Почему люди так устроены? Почему им всегда не хватает того, что есть у соседа? Почему им обязательно хочется забрать это себе, а если не забрать, то сломать? Почему основная масса людей искренне считает, что является хозяином своей жизни? Зачем строят планы? Зачем живут на этой земле люди?

Мне восемнадцать, и, стоя перед информационным табло, я поняла, что единственное, ради чего стоит жить, — это любовь. Мои родители, они были молоды и прожили так мало, но они любили и ушли, сохранив любовь. Где-то там они сейчас вместе. У меня нет любимого. Нет якоря. Меня никто не ждет, и, судя по всему, мой жизненный путь на этой земле закончится, так и не начавшись. Не хочу окунаться в грязь человеческого лицемерия и злости, не хочу проходить все круги ада на земле еще при жизни. Мой отец русский, и я в большей степени папина дочь, а потому поставить на пьедестал старого волосатого мужчину и поклоняться ему всю оставшуюся жизнь не смогу, а уйти мне не дадут. Я одна, совсем одна... Ну что же — у каждого в этом мире своя судьба.

Граждане в Японии законопослушные. Сказали сообщать — значит, сообщат. И вот уже не один десяток человек вокруг меня схватились за телефоны. Но не все. Охранники аэропорта, в количестве пяти человек, решили рискнуть. А что я могу против них? Ведь будут гонять, потом ломать, пока не сломают. А так... Против судьбы, как говорил папа, не попрешь. Четверо пошли в рукопашную и спокойно, не возмущаясь, прилегли вокруг меня, а вот пятый оказался самым умным, предусмотрительным, и по стрельбе из пистолета у него наверняка высший балл. Стоял далеко, стрелял хорошо, на поражение, да и я уклоняться даже и не пробовала, наоборот, в самый последний миг подставилась. Зачем мне пуля в плече? С такого расстояния из пистолета точно в сердце. Пусть парень считает себя снайпером. И вот...

Темнота. Боли нет. Меня нет. Ничего нет. Жизнь закончилась не начавшись.

ГЛАВА 1

Темно. Ничего не болит. Ночь? А почему я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой? Даже пальцев не чувствую. Я не умерла? Но запахи чувствую. Больницей не пахнет. Легкий цветочный аромат, а еще шелест. На самой границе слухового восприятия звук шелеста волн. Где я? У моря? Бросили еще живую? Или что? Может быть, кома? Тогда откуда взялись звуки и запахи? Неужели правда, что люди в коме все слышат и чувствуют?

Опа! Кто-то шторы открывает. Солнечный свет буквально бьет по глазам, и то, что они закрыты, мало помогает.

— Ваша милость... Ваша милость! Просыпайтесь. Ваш батюшка гневается. Он ждет в кабинете. Ваш жених подарки прислал: письмо, цветы, шкатулку с драгоценностями. Маменьке уже не терпится глянуть да примерить, а без вас не открыть. Вставайте! Умываться, одеваться. Волосы, опять же, прибрать надо, платье выбрать. Как раз к обеду и поспеете.

— Дура! Кто так будит? Сколько раз тебе было сказано: не открывай шторы, буди осторожно. Подарки? Маменька хочет? Перехочет. Ишь, придумала чего! Пусть ей папенька подарки дарит. А мое моим останется!

Не поняла... Это кто? Это где? Какая еще «дура»? А ваша милость — это кто? Маменька. Папенька. Жених. А я где? О-о-о-о! Вижу! Вот это да! Вот это пылесборники! Комната большая, но из-за большого количества мебели в ней ступить негде. Встаю... Я встаю? Нет, не я. Встает, видимо, та, которая минуту назад орала... На кого? О, вот на кого. Темно-коричневое платье, украшенное белым воротничком, совсем не красит грузную пожилую женщину, раскладывающую на постели ярко-розовое платье. Интересно. Ковры на полу, гобелены на стенах, балдахин над кроватью — и все розовое. Оттенки разные, а цвет, в сущности, один. Это что? Нет, я понимаю... Фэнтези. Душа по-

пала так попала. Пусть бы тело меня поначалу не слушалось, как пишут наши земные фантазеры, пусть бы память глючило, но так?! Я не согласна. Это я что теперь — паразит? Вижу ее глазами. Слышу ее ушами. И все? Боже! Да что же это такое? Мало того что она меня, по всей видимости, не слышит, иначе бы уже от моих воплей оглохла, так она еще... Свинка. Прости меня господи! Как есть свинка. Глянь — стоит, любит. С собой любит. Самый красивый поросенок, которого я когда-либо видела: маленькая, метр пятьдесят, наверное, вся такая розовенькая, щечки как яблочки наливные, трехслойный подбородочек, маленькие губки бантиком и глазки-щелочки, голубые вроде бы. Блондинка, блин! Волосы длинные, но жиденькие, тоненькие, брови и ресницы белесые. Фигура — блеск! Колобок с ручками и ножками. Пальцы как сосиски, но с колечками. Ножки как опорки у моста, но в кружевных панталончиках и прозрачное кружевное безобразие сверху. Мрак!

Я же умерла! Разве нет? Зачем я здесь? Кому это нужно? Может быть, это наказание? За то, что приняла решение уйти? Не захотела бороться? Сэнсэй говорил: «Человек — самое сильное животное. Он может вынести все и еще чуть-чуть». Не захотела бороться. Не захотела остаться одной против всех, но и здесь — опять одна и в таком странном положении, а оно в разы тяжелее того, от которого я ускользнула, потому как мир чужой, законы, обычаи, люди и даже тело, все чужое.

Вот почему в книгах всем попаданцам достаются красивые тела, магические силы, а мне почему так не повезло?

— Трашка! Умываться! Быстро!

О-о-о! А орет как! Голос тоненький, визгливый. Сама даже мордочку вымыть свою не может. Вон как морщится. Ее умывают, а она рожи корчит. Как там папка говорил: «Сосед, у тебя жинка орет, как у моего кума свинья во садочку, ее, наверное, уже забивать пора!» Как же этого поросеночка зовут-то? Судя по всему, я теперь вместо комментатора за кадром. Все вижу, все понимаю, но ничего не могу. Остается только смотреть, запоминать, учиться. Ну, по крайней мере, пока, а там посмотрим.

Два часа она одевалась, причесывалась, меняла украшения, просто капризничала, и вот, наконец, все. Можно идти. Результат стараний Трашки ошеломлял. Это ведь она одевала, причесывала, уговаривала. Поросенок превратился в большое облако сладкой ваты из моего детства. Макияж — вообще отпад! Вот идет теперь это чудо чудное в кабинет папеньки, торопится.

Щечки дрожат, подбородки сотрясаются, реснички склеиваются. Просто ах! У нас, по-моему, осязание общее.

Конь бежит — земля дрожит, а тут два бегемотика, Трашка и ее хозяйшюк, торопятся, и наверняка весь дом содрогается. Неужели мама с папой доченьке под стать? Опа! Какие перемены. Очи долу, стучим тихонечко, голосок дрожит.

— Вы звали, папенька?

— Звал. Два часа прошло, как звал. Что тебя так задержало, дочь моя?

— Так спала я, пока встала, пока оделась... Я спешила, как могла, даже завтракать не стала.

Ах! Скромняжка какая! Слезу в голос подпустила, папенька и поплыл. Вон как забеспокоился. А папенька ничего себе папенька! Высокий, с фигурой воина, волосы рыжие, как огонь, глаза почти черные, нос с горбинкой. На птицу похож хищную, а доченька в кого же? А-а-а, в мамочку. Вон сидит у окошка в кресле. Ножками короткими болтает. Еще один колобок: бледненький, кругленький и глазки-щелочки, но в голубом. Сидит, ерзает от нетерпения, но молчит.

— Ничего страшного, Ланьшюк. Ничего страшного.

Как он ее назвал? Это что за имя? Ланья, что ли?

— Братья твои на конную прогулку отправились, и у нас есть время поговорить. Эти непоседы не смогут нам помешать. Присаживайся. Граф Двардский, жених твой, прислал подарки и весточку. Через пять дней он приедет к нам с визитом. Пора уже вам познакомиться. Ты знаешь, что брак ваш был обговорен в тот день, когда ты родилась. Его батюшка и твой дед — большие друзья, пятнадцать лет назад они решили породниться. Граф, конечно, старше тебя, ему уже восемьдесят, но он маг, сильный маг, а потому молод еще и душой и телом. Да и король одобрил ваш брак.

— А если я ему не понравлюсь? — О, первая трезвая мысль из уст поросеночка.

— Как это не понравишься? Ты очень мила. А для жены что главное? Главное — титул, приданое, добрый нрав, а в остальном стерпится — слюбится. Да кто его спрашивать-то будет? Молод еще!

— Как же, папенька, молод? Ему же лет больше, чем вам с маменькой!

— Для мага молод, для мага. Что отец ему сказал, то и будет делать. Брак одобрен главой одного и другого рода. Одобен королем. Волноваться не о чем. Ну а теперь подарок. Возьми шка-

тулку. Открой. Она, видимо, на тебя настроена и только в твоих руках откроется. Давай посмотрим, чем тебя граф решил порадовать. Маменьке вон тоже интересно.

Пальчики-сосиски зашевелились, ухватили ярко-розовую шкатулочку, граф наверняка многое знает о своей невесте, потянули, дернули — и вуаля! Красота неопишуемая. Камни крупные, ярко-красные. Золотые листочки-веточки, массивные. Ошейник для крупной породы, а подарен колобку мелкому! Насмешка же... Серьги и браслет, конечно, выполнены в таком же стиле. Боги! Вот это визг! Ах, какие ручки цепкие! Ухватила-то как крепко. Маменьке сама показывает, потрогать не дает, а сама до сих пор повизгивает. Ой! Цепочку с камешком с шеи не сняла, а кольцо уже напяливает? Красава! Ну прямо помесь обезьяны и поросенка. И вот с этим я буду жить? Сдохну от бешенства! Так, а что там папенька лопочет? Посылает. Далеко? А-а-а, в спальню, завтракать. Посмотреть бы, что у нас на завтрак. О как рванула... Проголодалась. А подарочек-то взять не забыла. Все на себя повесила. Теперь, наверное, и спать в нем будет. К утру в колье волосенки запутаются и придется последние выдрать. Ну или проредить. Служанка следом побежала. За детку беспокоится.

Стол уже накрыт. Интересно, еды полно, а прибор один. Это ей на выбор столько блюд предлагают или она одна все скушает? Да! Деточка точно растущий организм. Почти получилось, не поместилась лишь самая малость. Уработалась, милая. Еле дышит. И-и-и — раз! Вес взят! Встали и пошли, нет, поползли. Куда? В спальню. На кровать. Отдыхать? А платье? Трашка снимает. Мать твою! Устала она. А мне что делать? Эта дура читать хоть умеет? Чем она вообще целыми днями занимается?

Трашка умеет. Что умеет? Читать. Я два часа роман слушала, в полной темноте. Она спала, а я слушала. Роман дрянь. Нежная дева, злой старый жених и молодой красавец-возлюбленный. Старик повержен. Красавица спасена. Все. Лавочки-цветочки, бабочки-платочки. Лучше бы я на самом деле умерла. Такая тоска накатывает по маме, по папе с дедушкой. Я даже поплакать не могу. Только выть от безысходности, да все равно никто не слышит, а лица родных будто кто стереть пытается. Они отдаляются от меня, и образы их раз от разу делаются все более размытыми и нечеткими. Уроки сэнсэя помню, о мире своем помню. Все свои знания, как книгу, могу перелистывать, а вот лица родных, друзей и знакомых... Что это? Почему так?

Ужин прошел в кругу семьи. Братцы у моего поросеночка стервецы редкостные. Все в папеньку — высокие, симпатичные, рыжие, черноглазые, просто мечта глупых барышень. Покатались так покатались. Мужика конем на дороге сшибли, на сельском рынке порезвились, переворачивая все, что под руку попало, селянку какую-то молодую в замок притащили. Маменька охает. Папенька посмеивается. Стервецы веселятся. Девочка-колобок кушает. За час, проведенный в кругу семьи, поняла только, что находимся мы в замке, на дворе Средневековья, братьям-близнецам по двадцать лет, а девушке-красавице уже пятнадцать. Еще чуть-чуть — и старая дева. Какой ужас! Часики-то тикают...

Сегодня приезжает долгожданный жених. Хоть какое-то разнообразие. Может, по саду прогуляются. Пять дней! Целых пять дней мы кушаем, отдыхаем, спим, иногда купаемся и снова кушаем, а еще слушаем выразительное чтение Трашки и плачем над трагической судьбой героини. А за окном лето, сад и море. За все эти дни я не смогла выяснить почти ничего. Я не знаю, сколько дней в году, как сменяются сезоны, бывают холода или нет, как идет исчисление дней, часов, месяцев. Мне неизвестно название королевства, города, который виднеется на горизонте, и даже имя рода, к которому принадлежит моя носительница. Зато я уже прекрасно разбираюсь в драгоценностях, в поведении за столом, в названиях изысканных блюд, различаю все оттенки розового и даже сдохнуть от радости не могу.

Приехал. Невестушка соизволила встать и подойти к окну для того, чтобы увидеть его заранее. Увидела и я. Высокий, хорошо сложенный, черноволосый, настоящий. Он не просто маг, он маг-воин. Призывая весь свой опыт, я отметила, что человек, поднимающийся по ступеням парадной лестницы, знает, как правильно держать в руках оружие. Его походка, движения рук, поворот головы — все выдавало не просто бойца, а мастера.

Гляди-ка ты, понравился! Девочка в восторге. Трашку сюда! Одеваемся, красимся, талию затянуть! Где она талию увидела и где бедная служанка ее искать должна, вот вопрос. Талию не нашли. Нашли шею. Платье меняли пять раз. Жених и родители ждали. Ждали. Ждали... Дождались. Мы, то есть она пришла. Вплыла в гостиную, попыталась изобразить реверанс. Гость встал, поклонился приветствуя. Ох какой! Красивый? Нет, красавцем его назвать нельзя: тонкие, сурово поджатые губы, синие, со стальным оттенком глаза, смотрящие с брезгливостью и

насмешкой, высокий лоб, густые, черные, зачесанные назад волосы, убранные в короткий низкий хвост, и прямой, чуть заостренный нос. Его ноздри дрогнули. Гляди-ка! Сделал вдох... и замер. Забыл, бедный, как дышать! Ну а что, девочка нервничала. Хотела понравиться. Вылила на себя целый флакончик духов. Хорошо, что я в ней, а не рядом с ней, а то бы тоже задохнулась. Папенька вот стоит спокойно и не дергается. Привык уже, видимо, а гость теперь через раз дышать будет. Фиг! Он же маг, зараза такая. Колданул и порядок. Вон пленка какая-то ноздри прикрыла. А почему я это вижу?!

— Милорд, позвольте вам представить мою дочь, виконтессу Ланью Мирасвел, вашу невесту. Через полгода моей девочке исполнится шестнадцать. Согласно брачному договору, день рождения и свадьбу праздновать будем одновременно. Твой жених, доченька — Ларен, граф Двардский. Даже ваши имена созвучны, а значит, вашему союзу благоволят боги! — соловьем заливался папенька.

Поросеночек мой, кажется, глазки жениху пытается строить. Потрясенный красотой невесты, граф молча приходил в себя, а маменька, сидевшая в кресле возле стола, не сводила глаз с большой, нарядно упакованной коробки. И вот наконец-то граф отмер.

— Я рад приветствовать вас, моя леди! Ваша красота и молодость радуют глаз. Разрешите преподнести вам подарок, достойный вашей красоты.

Вот какой! Вежливо обхамил, взял за кончики пальцев и повел к столу. А поцеловать ручку и не подумал.

Драгоценности. Снова. Но какие? Очень изящная и чрезвычайно дорогая работа. Воздушное, словно кружево, колье — россыпь драгоценных камней и белое золото. В придачу к нему серьги, браслеты и перстень. Изумительно. Это еще не все. Магия... И я ее вижу. Каждый камешек, даже самый маленький, словно светится изнутри. Что это? Зачем? Маг объяснит? Да. Послушаем. Невестушке-то все равно, она рада и до безумия счастлива, а мне интересно.

— Моя дорогая невеста, мне очень хотелось вам угодить, и я работал над этим подарком довольно продолжительное время. Его невозможно потерять, его не смогут украсть, и, самое главное, ни один маг не сможет подчинить вас своей воле. Этот набор драгоценностей был исследован в Магической академии лучшими артефакторами, и грамота, подтверждающая их свойства и возможности, прилагается к ним как дополнительный подарок.

— У вас такой изысканный вкус! Подарки просто бесподобны, — умиляется невеста. — Я самая счастливая на свете. С нетерпением буду ждать нашей следующей встречи.

— Я буду считать дни, ожидая ее.

Как заливает! Молодец мужик. Вон как девочку порадовал. Она теперь со своим платьем одного цвета.

— Носите и не забывайте обо мне.

Неприменно будет носить, как только выберет, какой из двух подарков ей больше нравится, так и будет. А может, и всё разом нацепит.

ГЛАВА 2

Не нравится мне последний подарок графа. Ой не нравится! Когда его моя красавица надевает, камни так и вспыхивают. Она радуется, перед зеркалом крутится, а мне на душе так пакостно становится. Ей пятнадцать, мне восемнадцать, три года разницы, а такое ощущение, что все десять, и я прямо старухой на ее фоне себя чувствую. Глупый, избалованный ребенок. Читать умеет, писать умеет, как оказалось, причем очень красиво, с завитушками и вензелями, а больше ничем не интересуется. Ее даже слугами управлять не учили. Она не знает, как дом вести, где, сколько, почему, зачем... Вдолбили в голову, что богатой замужней леди нужно служить украшением, она и верит. Платья, ткани, рюши, воланчики, драгоценности, любовные романы и конечно же покушать — вот и все, что ее интересует. Сделали из девчонки глупого, жирненького поросеночка и рады. Послушная, управляемая, глупая, что еще надо?

Нет, она не злая, никого не ударит, не прикажет выпороть, просто папе пожалуется. А жалеть... Кого? Зачем? Не научены. Не умеет она этого. Мимо пройдет, и все. Тут у нее на глазах служанка сильно поранилась, так она мимо прошла и даже на помощь никого не позвала. Животных не любит, но зато знает, что какой цветок означает, какое сочетание цветов о чем говорит, и может составить из них целое послание. Причем как за этой красотой ухаживать, где и как они растут, ее совершенно не интересует. О чем ее родители думают? Ведь просидит в гостиной, провздыхает над романами всю жизнь. Может быть, это я чего-то не понимаю, а она будет жить в свое удовольствие и помрет счастливой? Вон маменька ее, как и доченька, не обращает внимания на то, что хозяин дома вместе со своими сыноч-

ками ни одну мало-мальски симпатичную особь женского пола мимо себя не пропускают, и ничего, счастлива.

Боги! Неужели мне так и придется изо дня в день, из года в год наблюдать за тем, как живет эта девушка! Один день будет похож на другой, и только изредка — гости, балы и приемы. Завезет ее маг в какое-нибудь захолустное поместье и будет навещать раз в год по обещанию. А я? Зачем я здесь? В чем смысл моего существования?

А камни-то раз от раза все ярче горят. Нет, что-то здесь не так. Подготовка к свадьбе началась. Согласовывали время, дату, список гостей, место проведения торжества и самое главное — приданое. Мама с дочкой обсуждали украшения и платье. Из города привезли портниху. Работа закипела. Ах, какие это были мучения для маленького колобочка! Стоять неподвижно с поднятыми руками дольше двух минут она не могла и сильно капризничала. Работа над платьем затянулась. Ланья скучала, а я впервые испытывала непередаваемое удовольствие от процесса. Почему? А потому что портниха явилась в замок Мирасвел не одна. Она и ее четыре помощницы не только работали, но еще и языками моллоли не останавливаясь. За три месяца, пока они усердно трудились над подвенечным платьем и новым гардеробом, достойным столицы, я узнала не просто много, а очень много, почти все. Оказалось, что родовой замок виконтессы Ланьи находится вблизи крупного портового города Магри, на скалистом морском берегу, а здешний год дней на сорок короче нашего. В месяце сорок дней. В неделе десять дней. Часы и минуты из расчета один к десяти. Зима короткая и мягкая, лето теплое, осень на редкость дождливая, весна наступает очень стремительно. Преступность здесь низкая, но «сильный правит бал». Мир магический. Королевство Ауриндия имеет выход к морю. На побережье три крупных портовых города. Столица далеко. Имеется пять герцогских владений, но треть земель королевства принадлежит правящему роду. Земли в основном равнинные, их пересекают две крупные судоходные реки и два десятка речушек помельче. Общественный строй — Средневековье, огнестрельного оружия нет, воюют холодным оружием и магией. Магом является каждый второй, но по-настоящему сильных магов очень мало, а если точнее, то единицы. Количество одаренных со средним уровнем силы исчисляется всего лишь сотнями. Существуют школы магии и даже академии. Слабосилки получают образование дома. Знания и умения у них передаются по наследству, от старших к младшим.

Многого они не могут, но вот зажечь огонь в печи, очистить платье, послать магическую весточку родным с помощью магического почтового пенальчика, помыть посуду, облегчить себе ношу, да и просто избавиться от пыли — это всегда пожалуйста. Пара-тройка слабеньких чудес за день — уровень всех слабосилков. В семье виконтов сильных магов не было, не было и середнячков. Мужская половина семьи кое-что могла, а вот женщин просто ничему не учили. Уровень их дара никого не интересовал, а зря. Судя по всему, когда-то давно в родне у мамочки отметились очень сильные маги, поскольку Ланья была одаренной и притом неслабой. Почему об этом никто не знал? Ну так она при папеньке и при маменьке с братьями никогда не капризничала. Только ее служанка и знала, как далеко и с какой силой летают вазы, как часто ломаются кресла и стулья, да все об стену, об стену, и почему в комнате молодой виконтессы цветы вянут в течение пары часов, никакая магия не помогает.

Время шло. Девушка трепетала от волнения, а камушки горели все ярче. Так переживала бедная, у нее ведь даже дебюта не было, ее ведь даже в свет ни разу не вывозили. А зачем? Все уже сговорено. У бедняжки аппетит пропал. Она даже два раза ужин пропустила. А жених не появился в замке своей нареченной больше ни разу. От него приходили весточки, подарки, цветы, но каждый раз они оставляли юную невесту разочарованной. Граф присылал ей книги, картины, ткани, магические артефакты, но вот драгоценностей больше не дарил.

Почему он так поступал, я поняла буквально вчера. Все оказалось очень просто. Маг хотел, чтобы его невеста носила кое-что определенное, а именно комплект драгоценностей с магической начинкой. Он наверняка уже устал ждать результата, и вот этот день настал. Стоя перед зеркалом, Ланьюшка надела весь комплект сразу. Раньше она частенько надевала то одно, то другое. Камни коснулись нежной кожи, налились светом, а затем ярко вспыхнули. Браслеты стали горячими, плотно прилегли к запястьям, кольцо превратилось в настоящий кружевной широкий ошейник, плотно обхвативший короткую шейку, серьги и кольцо уменьшились в размерах, и, наконец, вся эта красота начала просто вливаться в кожу. Это было больно. Очень больно! Больно нам обеим. Слезы текли из ее глаз, но ни моргнуть, ни пошевелиться, ни закричать Ланья не могла.

Сколько это продолжалось, я не знаю, но наконец-то боль стихла. Драгоценности теперь казались просто нарисованными. Закрыв глаза, глубоко вздохнув, она, видимо, собиралась по-

громче заорать... И заорала, только не так, как ей бы хотелось. Вы когда-нибудь слышали дикий крик бешеной испуганной кошки? Вот! И кошка и крик были настоящими. В роли кошки — милочка Ланья. Всего мгновение прошло после того, как отступила боль, и вот уже перед огромным, во весь рост зеркалом стоит не испуганная толстенькая девушка, а бледно-рыжая, почти розовая кошка. Шерсть вздыблена, глазки выпучены, маленькие ушки прижаты к голове. А похожа она была больше всего на кота из мультфильма про попугая Кешу. Ну, на того, который говорит «Таити, Таити... Нас и здесь неплохо кормят». Бег в исполнении этого кота вы представляете? Колобок увидел бы, удавился от зависти! Лапки гребут, пробег измеряется в сантиметрах, а она еще и орет. Дальнейшие события поразили меня до глубины души. В спальню вбегает Тришка и тоже начинает орать.

— Ваша милость! Ваша милость! Где вы? Что случилось? — Кошка кидается ей в ноги, кричит, пытается вскарабкаться вверх по тяжелой юбке. Служанка взвизгивает и, оттолкнув ее ногой, начинает заглядывать во все углы, продолжая причитывать: — Где же вы? Что эта кошка с вами сделала?

Вот могла бы, заорала бы ей в ответ: «Что, что... Съела!» Вот дура-то!

Так... Углы и шкафы проверены. Кошка схвачена за шкуру. Вопли продолжают. Орет Тришка. Орет кошка. Все сбегается. В замке переполох.

ГЛАВА 3

Не нашли девушку-красавицу! Все обыскали — от подземелья до чердака и не нашли. Волновались, глядя на кошку — удивлялись. Братцы высказали предположение, что кошку Ланья прятала и кормила как на убой. Зачем? Не смогли придумать. Утром отец семейства пригласил в замок мага. С обеда поиски возобновились. Не нашли. Маг, старый, сморщенный, седой старик, уверенно заявил, что молодая госпожа жива и находится в замке. На вопрос «где?» пожимал плечами да руками разводил. И тут, впервые за все время поисков, послышался голосок заплаканной маменьки:

— Нужно позвать графа Двардского. Он один из сильнейших магов. Он сможет! Найдет Ланьюшку.

К ней прислушались. Кошку посадили в большую клетку и крепко закрыли. Найдется виконтесса, а кошечка потеряется,

что тогда делать? Жирное чудовище уже не орало. Дооралось. Охрипло. Кошка сначала все пыталась между прутьями пролезть. Да разве же у нее получится, с такой-то комплекцией? Испугалась девчонка сильно, даже от еды отказалась. За те два дня, пока жениха ждали, только водичку и пила. Мне ее даже жалко стало. В чем ее вина-то? За что так сурово? Это наверняка суженый виноват. А кто еще? Ну не нравится невеста, так что? Перевоспитай. Научи. Откажись от нее, в конце-то концов. Она ведь совсем девчонка еще, глупая, доверчивая. Ее ведь растили, как цветок оранжерейный. Немного ласки, чуть-чуть строгости, толику настойчивости и, глядишь, расцвела бы девушка на загляденье завистникам и злопыхателям.

О-о-о! Явился. Как хорошо, что все в расстроенных чувствах и клетку из кабинета папочки убрать забыли. Вот сейчас мы с Ланьей можем наблюдать за представлением в первых рядах. Папочка охает, маменька плачет, братцы сидят, насупились, маг тревогу изображает. Глянь, выдержка какая, даже глаза на клетку ни разу не скосил. Расспросы, допросы, предположения. Четыре часа уж прошло, а воз и ныне там. Исчезла, и все дела! Как была — в платье, в туфельках и драгоценностях, так и пропала. Более ничего с собой не взяла, да и не пропало больше ничего. Кошка только вон появилась... И где раньше пряталась?

Граф-то молодец. Выслушал, посочувствовал и занялся поисками. Глянь-ка, действительно магичит... А нити магические к клетке тянутся, только вот не видит их никто, а у Ларена глазки от удовольствия блестят. Все наверняка думают, что от слез. Ага, как же... Вот если он еще и слезу пустит, то я признаю его лучшим манипулятором королевства. Не выдал... Не смог, но трагизму в голосе добавил и заверил виконта и его семью в том, что девушки в замке уже нет, но она жива, а потому он подключит к ее поискам лучших людей и вместе со всеми будет ждать ее возвращения хоть до скончания века. По его словам выходило, что ее похитили при помощи магии, а потому расследование и поиски легкими не будут, но он согласен ждать и помогать чем только может. Взамен же он просит отдать ему любимицу Ланьи, Рыжувку, обзавуясь заботиться о кошечке, пока невеста не отыщется. Ну что, поверили. Отдали.

Едем! В карете. Кошка по-прежнему в клетке. А маг-то... Вдохнул с явным облегчением и, глядя на нее, улыбаться начал. Вот как улыбнулся, прям красавчиком стал, глаз не отвес-

ти. Глянь, клетку открыл. Кошку на руки взял, а она, дурочка, в глаза ему заглядывает, мяукает жалобно так, а он молчит и ласково ей пальцами ушки оглаживает. Минут двадцать молчал и вдруг заговорил. Объяснит? Да...

— Ну что, Ланьюшка, испугалась? Не нравится тебе все это? А уж как мне не нравится! Виноват я перед тобой, но и ты меня пойми. Я маг. Один из сильнейших. А тут такое... Запомни, моя девочка, никто и никогда не будет указывать мне, что делать, ни род, ни дед, ни отец. И женюсь я только тогда, когда сам захочу, и на той, на которой захочу! Снять с тебя заклятие смогу только я. Разглядеть в этом облике человека тоже смогу только я, потому как никто из ныне живущих магов даже не подозревает о такой возможности. Попали мне как-то по случаю в руки свитки древние, вот из них я и узнал много интересного и занимательного. Раньше маги миром правили. Они же наказания придумывали и осуществляли, а потому у каждого мага были вот такие зверушки. Только я, извини меня, невестушка, держать тебя при себе не буду, не хочу. Не нравишься ты мне, некрасивая ты и кошка из тебя получилась просто отвратительная, а значит, придется тебе отныне самой о себе заботиться. Но ты не бойся, я доработал это заклинание. Моя магия не даст тебе умереть от ран. Заживать на тебе все будет очень быстро, и доживешь ты до старости. Колечко у меня на мизинце, маленькое такое, неприметное, я его к твоей душе привязал, всегда поможет найти тебя, но только мне. Остальные маги, если папочка твой будет их нанимать, смогут только сказать, что живая ты. Научит тебя жизнь попрошайничать, прятаться, мышей ловить, съестное воровать, охотиться. Похудеешь. Может, даже в дом кто пустит, пожалеет. Если, конечно, пользу приносить научишься.

Копыта лошадей застучали по булыжной мостовой, это мы, наверное, в город въехали.

— Ну, прощай, моя хорошая. Удачи тебе! Возможно, через пару-тройку лет встретимся.

Дверь кареты приоткрылась, сжались, словно клещи, крепкие пальцы, и вот она, свобода. Канава, в которую он выкинул кошку, была неглубокая, но грязная и вонючая. Жители трущоб не отличались чистоплотностью, и потому мы с Ланьей угодили в нечистоты. Спасибо не захлебнулись в этой гадости. Теперь она больше не была рыжей, она была черной, со слипшейся от грязи шерстью, но все такой же толстой и оттого еще более гадкой. Не осознав глубины той пропасти, в которую угодила, Ла-

нья, выбравшись на дорогу, кинулась под ноги людям, спешившим до наступления сумерек закончить свои дела.

Это было больно. Очень больно. Люди спотыкались об нее, ругались, а самое главное, били, отшвыривали, наступали. Душераздирающий крик животного никого не разжалобил, только разозлил. Дети — это худшее, что могло случиться в тот вечер. Они кидались камнями, таскали за хвост, били палками.

И вот наконец на город опустилась ночь. Она не кричала. Больше не кричала. Ни впивающиеся в бока острые колочки кустарника, под которым она наконец-то смогла спрятаться, ни боль в отбитых ребрах, ни даже сломанная лапка не могли теперь заставить ее плакать. Ее боль — моя боль. Если бы только я могла с ней разговаривать. Если бы только она могла меня слышать... Маленькое пухлое тело сотрясала крупная дрожь. Замерзшая, мокрая, голодная, она замерла, тяжело, с хрипами дыша. Странное, необъяснимое оцепенение охватило ее. Ни о чем не думала и ничего не хотела. Изнеженная домашняя девочка не умела и не хотела бороться за свою жизнь, а я не хотела умирать второй раз так быстро и безропотно.

Наступившее утро принесло облегчение измученному телу. Шерсть высохла, лапа срослась, ребра больше не болели. Не обманул маг. Но это ничего не изменило, даже желание пить и кушать не помогло. Кошка спряталась ото всех, и от жизни тоже. На третий день нашей бродячей жизни пошел дождь. В осколки разбитого глиняного горшка, лежавшие неподалеку, набралась вода. Я бы попила, она не стала. Эта дура решила умереть, а я хотела жить, хотела отомстить, наказать, доказать ему ошибочность его решения. Пять дней. Она продержалась пять дней, и то наверняка только благодаря магии артефактов, но они не могли заставить ее встать и пойти, они не могли ее напоить и накормить, они не могли заставить ее хотеть жить.

На шестой день я проснулась в теле кошки одна. Я больше не слышала ее мыслей, с трудом чувствовала ее тело. Оно теперь подчинялось мне. Ах, каких огромных усилий стоило мне сделать всего несколько движений, но я сделала их, добралась до воды. Я буду жить! Назло жестокому и такому равнодушному магу. Буду. А он теперь с полным правом может считать себя убийцей, ведь он действительно убил ее, молоденькую, глупую домашнюю девчонку, вся вина которой заключалась лишь в том, что именно ее выбрали ему в жены. Она нашла в себе силы для того, чтобы уйти, а я для того, чтобы остаться.

ГЛАВА 4

Куст, под которым я пряталась, рос в маленьком дворике заброшенного дома, от которого только и осталось, что три стены и часть крыши. Но зато у дома был подвал. Пусть вход в него был засыпан обломками полностью обвалившейся стены, но я ведь не человек, а потому небольшой щели мне вполне хватило, чтобы через нее проскользнуло мое тощее теперь тело. А полезла я в эту щель лишь потому, что именно оттуда тянуло прохладой и пахло водой.

Мне повезло. Подвал был не очень большой, но, судя по всему, раньше он был частью большого подземелья. Несколько сбитых стеллажей, больше похожих на полати, были абсолютно пусты, но у дальней стены слышалось журчание воды. Я нашла ее, чистую, свежую, холодную и очень вкусную. Медная, по всей видимости, трубочка торчала прямо из крепкой еще каменной стены. Вода текла из нее тоненькой струйкой, скапливаясь в небольшой чаше, выдолбленной в центре массивного камня. На первый взгляд камень и чаша казались единым монолитом, но вода через край не переливалась. Я не стала разбираться, почему это происходит, а просто припала к воде, как путник, чудом пересекший пустыню. Лишь через несколько часов я смогла отойти от воды, решившись обследовать свое временное пристанище. Пахло плесенью, пылью, грязными тряпками, но вот крысами не пахло, и воздух был довольно свежим. Зрение мое подстроилось к полутьме, и я, не напрягаясь, заметила кучу тряпок в дальнем углу и ржавые цепи, закрепленные на противоположной стене. Все? Нет, не все. По полу, причем каменному полу, тоненькой струйкой сквозил воздух. Из этого каменного мешка есть еще один выход. Интересно. Сверху остатки развалюхи, а внизу... Но это не по моим силам и возможностям. Не разгадать мне этот секрет. Много ли сможет кошка, да к тому же еще и полудохлая! А еще кушать очень хочется, и, пока я могу двигаться, мне нужно срочно найти где, а главное, чем закусить.

Далеко идти не пришлось. Нужно было всего лишь выползти из подвала и перейти на противоположную сторону узкой улочки. Ночь на дворе не мешала, а помогала. Меня, такую маленькую, такую грязную и тощую, тенью скользящую вдоль хлипкого забора, не замечал никто. Запаха кошек я поблизости не ощущала, а вот собаки в городе определенно были, и одна из них сейчас громыхала цепью справа от меня, в соседнем дворе. Если судить по грозному окрику и запаху, хозяин принес сво-

ему грозному сторожу пищу. Нужно посмотреть на сторожа. Может, поделится? О-о-о! Большая псина! Но все равно поделится. А что делать? Жизнь такая непредсказуемая штука.

Огромный, по сравнению со мной, лохматый кобель учуял мое присутствие сразу, стоило только протиснуться между досок забора, и рванул ко мне. Бежать? Черта с два! Я есть хочу, а когда я злая и голодная, что мне какая-то собака! Подскок — и вот уже мои лапы обхватывают собачью голову, крепко вонзаясь когтями, а зубы впиваются в нос. Обиженный визг местного бобика оглашает всю близлежащую территорию, но хозяин на помощь не спешит, а пес, скулит от боли, безуспешно пытается меня сбросить. Не получается. Зубы сжимаются чуть крепче — и вуаля! Поза подчинения в его исполнении выглядит просто великолепно. Как она выглядит? Проигравший и признающий силу своего противника ложится на живот, голову кладет между вытянутых передних лап. Медленно ослабляю свой захват, внимательно наблюдая за реакцией пса. Вскочит? Нет, лежит и лишь поскуливает. Обидела тебя, маленький, хороший мой... Всегда любила собак. Трусью об его морду, давая понять, кто тут теперь главный, и зализываю пострадавший нос. К собачьей чашке подходим вместе. Мне разрешают выбрать понравившиеся кусочки. Уйти в свое убежище не смогла, силы к концу подошли, но и так неплохо. Будка у моего нового друга крепкая, любит его хозяин, да и сам он просто душка. Наглею окончательно, залезаю в нее вместе с псом, пытаюсь устроиться у него под боком и застываю в полном ошеломлении. Огромной пастью очень осторожно меня берут поперек тела и укладывают между передних лап. Все. Я сплю. Меня вылизывают. Жизнь удалась.

Ой... Какой большой! Это же как сильно жрать надо было хотеть, чтобы на такого монстра врукопашную полезть? А я почти чистая! Какая прелесть. Собачка, я тебя люблю. Иди обниматься будем, а то проснулась, а тебя нет. Ходят тут всякие, спать мешают, собачку мою волнуют. Вон как старается, лает как надрывно. Где уже этот хозяин? Глухой, что ли? Пришли к нему, а он и носа не кажет. Мой песик ведь может и устать, охрипнуть. И этот тоже, приперся... Стоит, ждет. Сколько можно над бедной животинкой издеваться, или ближе бы подошел уже, или бы топал туда, откуда пришел. Ну, наконец-то хозяин нарисовался. Домик бедный, заборчик хлипкий, а рожа у хозяина, как луна на небе, а луны-то в этом мире две, ночью увидела — на пять минут забыла, куда шла. А красавец мой лохматый замолчал и пить побежал. А я подожду немножко. Зачем себя краси-

вую лишний раз демонстрировать. Люди они ведь как? Меньше знают — лучше спят. А сама я уже к людям не отношусь и потому разговор гостя и хозяина слышу очень хорошо, да и спать мне лишняя информация не мешает, а вот выжить поможет.

Новости оказались интересными. В город приехал отряд столичной стражи. Начались поиски и облавы. Ищут молодую виконтессу. За помощь в поисках и полезную информацию обещают вознаграждение. Трясут бордели, нищих, местных магов, на улицах хватают всех, кто вызывает хоть малейшее подозрение. Круто взялись. Только зря все, некого уже искать. Ушла девочка. Может, и правильно сделала. Граф-то рассчитывал на долгие годы поисков, а тут на тебе... Сделают повторный магический поиск и определят, что искать уже некого. Вот тогда он и попляшет. Чтоб тебе, тварь такая, новую жену подыскали, старую, страшную и обязательно сволочную, а если она еще и королевской крови окажется, так совсем хорошо будет. Ее исчезновения не простят и просто так не спустят, да и охранять будут, как сокровищницу. Боги, если вы есть! Облагодетельствуйте красавчика, будьте добры!

А зачем и почему обо всем этому мордатому рассказывают? Э нет... Докладывают. Как интересно... А что? А где? А почему?

Два дня я отсыпалась и отъедалась, встав на постой у моего Бобика, а на третий начала оживать. Оглядела себя родимую и ужаснулась: шкура лишняя на боках висит, лапы слабые, мышцы дряблые, когти неточены, зубы нечищены, вот только морда умытая. Бобик на день несколько раз умывает, чудо мое лохматое. Был бы человеком, влюбилась бы! Так, главное... Если я теперь хозяйка данного тела, значит, придется именно мне все исправлять. Начнем тренировки. Сильные ноги и острые когти еще никому не мешали.

А все же, как хочется к луноликому мужику в дом заглянуть! Почему ему по несколько раз в день всякие темные личности отчитываются, а? Так, сначала ноги, а то, случись что, и убежать не смогу. Утро наступило быстро. Еще на рассвете я без особых проблем выбралась из города. Примыкавший к городским стенам жидкий лесок прекрасно подошел для моих целей, но, прежде чем начать тренироваться, я решила найти воду. Нашла. С большим трудом, но нашла. В маленьком узком овражке, в корнях огромного дерева, маленький такой ключ из земли бил. Вот неподалеку от него я и решила обосноваться, но именно в тот день больше ничем заниматься не стала. Переоценила свои силы. Насилу назад к Бобику добралась. А он, солнышко мое

ненаглядное, и покушать мне оставил, и массаж языком сделал. Но все же как мне плохо ни было наутро, но за город я все-таки опять выбралась. Добралась до лесного исполина. Попила водички. И отправилась обратно. И так целых десять дней. На одиннадцатый день почувствовала, что я, добежав до дерева, совсем не устала, и приступила к тренировкам. Первые дни просто бегала, потом бегала и прыгала через препятствия, затем начала использовать для тренировки дерева. С ветки на ветку, с разбега, без разбега, удар, подскок, еще удар и, наконец, охота. Оказалось, что охота дело трудное и непростое. Все меня неуклюжую слышат, видят и чувствуют. Раньше, владея своим собственным телом, я была не просто воином, а умелым воином. Могла пройти, не потревожив пылинку, а это тело слабое, неуклюжее, с другими возможностями. Расстройство одно. Хорошо Бобик кормит, а то я бы уже с голоду сдохла, а ведь пора бы собаченьке моей и гостинцы начать таскать. Сколько можно объедать животину? Но сначала луноликий.

Этот день настал. Проскользнуть за спиной хозяина моего Бобика, пока он корм в его чашку накладывал, не составило никакого труда. Да и спрятаться там, куда я попала, можно легко и просто. Я и спряталась под старым шкафом. Зашел в дом мужик, захлопнулась дверь, и начались чудеса. Домик, снаружи казавшийся очень маленьким, и внутри был таким же. Сразу за входной дверью начиналась жилая комната, она же кухня, она же прихожая. Печь, стол, лавка, узкая кровать, заправленная потрепанным жизнью, но чистым покрывалом, и шкаф для вещей. Немногочисленная посуда стояла на полках, висевших на стене возле печи. Единственное окно закрывала плотная темная занавеска. А еще сундук с магической начинкой. Все! Я чуть было не разочаровалась. Стоило сюда лезть для того, чтобы разглядывать это убожество. Вот только сундук...

А ларчик просто открывался... Ничего интересного он собой не представлял. Обычный холодильник в моем понимании. Луноликий когда крышку приподнял и чуть запотевший кувшинчик достал, то по запахам, волной прокатившимся по домику, стало ясно, что достал он для себя что-то вроде пива, а еще там есть мясо, рыба и даже молоко. Запахливый какой. Стемнело почти, а он свет не зажигает. И чем они здесь по вечерам занимаются? Сядет на лавку, вдарит по пиву и спать, что ли, ляжет? А я тут вот, под шкафом, спать буду? Без Бобика? Мы так не договаривались. О-о-о... Нет, не сел и не лег, к шкафу потопал, сейчас раздеваться будет. Фу-у-у! Нет, не раздевается. Носом в

пустой угол уткнулся, кувшинчик к себе прижал и скребется там в темноте. Сам себя наказал, что ли? Детство вспомнил? Ой! Дверь, дверь... Дверь! Только она узкая какая-то, но зато массивная, на петлях совершенно бесшумно поворачивается и прилегает очень плотно, потому как по полу от нее воздухом совершенно не тянет.

Как же хорошо, что люди под ноги почти не смотрят, и как же хорошо, что у любого животного слух и обоняние во много раз лучше человеческих. Вот я мало того что буквально под ногами у мужика проскользнула, так еще и заранее услышала, что там, куда собираюсь проскользнуть, кто-то есть и, судя по дыханию, этот кто-то на дверь точно не смотрит. Я оказалась права, но лучше бы я ошибалась. Дверь за мной закрылась сама. Хват, так звали луноликого его гости, к тому времени уже спустился по лестнице вниз и пропал из виду. Спустилась по тускло освещенной лестнице из десяти ступеней и я. Прижимаясь вплотную к стене, стараясь двигаться как можно более осторожно, выглянула из узкого, короткого тоннеля и оберла. Слов нет. Такие хоромы! Под стареньким домиком? А кладка стен такая же крепкая и древняя, как и та, куда я пить лазила.

Большая комната была плохо освещена, зато богато обставлена. Посмотрев чуть раньше на обстановку в замке Ланьи, я вполне могла сравнивать. Так вот, все в этом помещении было в разы дороже — и мебель, и ковры, и гобелены, покрывающие стены. Стол, шкафы и кресла были просто произведениями искусства. Откуда? Наследство? Или сам добыл где? А вот еда на изысканных тарелках была самая обычная, вот только тот, для кого ее, судя по всему, приготовили, не хотел есть. Он умирал. Тяжелое с хрипами дыхание, бледная, покрытая испариной кожа, мутный взгляд прекрасных глаз и запах смерти. Все вокруг было просто пропитано им. Не знаю, сознавали это люди или нет, но я, раз вдохнув, с полной уверенностью могла сказать, что до утра парнишка, лежащий на роскошной кровати, не доживет. Еще в замке я обратила внимание на то, что вижу магию. Пусть тело Ланьи изменилось, пусть оно теперь выглядит не так, как было назначено ему природой, но ее способности к магии никуда не делись. И сейчас я отчетливо вижу, как тело парнишки, лежащего на кровати, окутывает магическое существо или заклинание. Оно словно черный спрут с длинными черными щупальцами, которые сжимают свою жертву все крепче и крепче. Одно из щупалец обхватывает горло. Поэтому он так дышит. А му-

жик-то присел на кровать, взял паренька за руку, гладит его пальцы, у самого по лицу слезы текут.

— Прости, Милош. Прости меня. Виноват я перед тобой. Обещал твоей умирающей матери заботиться о тебе и вот недоглядел. За мои грехи страдаешь ты. Не нужно мне было спорить с этим магом и требовать с него обещанное. Ну не хотел он за услугу платить и боги бы с ним, но нет, злость меня взяла, гнев глаза закрыл. Не отдал я ему заказ, а разыскали мы тогда для него древний артефакт. Уходя запустил он в меня каким-то мерзким заклятием, и вот именно в этот момент ты в комнату вбежал и взял все на себя. Как он смеялся тогда и приговаривал, что получилось все даже лучше, чем он ожидал. Как же мы его искали тогда, всех опросили. Все что угодно обещали тому, кто сможет помочь. Того, кто заклятие наложил, так и не нашли. Он, видишь ли, под личиной к нам приходил, а другие маги только руками разводили. Долгих десять лет это проклятие убивает тебя, а я так и не смог ничего сделать. Если бы можно было взять эту пакость на себя! Но даже этого маги сделать не смогли. Прости меня, мальчик мой. Ты так долго боролся... Я готов все отдать, что у меня есть, тому, кто тебе поможет.

Мужчина пересел в стоявшее рядом с кроватью кресло. В комнате повисла тишина, прерываемая только хриплыми натужными вздохами задыхающегося парнишки. Еще через час крепко выпивший Хват задремал, а я решила на очередную глупость. Осторожно пересекла комнату и запрыгнула на кровать. Аккуратно переступая лапами, подобралась ближе, пытаюсь разглядеть лицо юноши. Да, именно юноши, потому что лежавшему на кровати человеку на вид было лет пятнадцать. Я сумела разглядеть рыжие, цвета меди, волосы, разметавшиеся по подушке, зеленые глаза с ресницами того же оттенка, прямой, чуть заостренный от болезни нос, впалые щеки и потрескавшиеся губы. И только тогда поняла, что он не спит. Старательно дышит, сдерживает стоны и смотрит. Наблюдает за тем, как моя наглость принюхивается, присматривается, любопытничает, поставив ему лапки на грудь и вытянув шею. Одно мгновение, второе... и вот щупальца черного спрута пришли в движение, сжимающая сильнее, перехватывая горло еще туже. Его пальцы бессильно заскребли, захватывая одеяло. Голова откинулась назад в последнем усилии освободиться. Испугавшись всего происходящего, я поступила так, как поступила бы обычная кошка. Кинулась на противника. Именно моя магия, войдя в соприкосновение с проклятием мага, по всей видимости, спровоцировала

его, и теперь я пыталась порвать щупальце, перехватывающее горло Милоша. К своему удивлению, делала я это не настоящими своими когтями. Что-то черное, эфемерное показалось из моих лап. Я не маг и не могу правильно объяснить, что это было, но эти призрачные когти легко справлялись с плотью магического спрута. Глубокий вздох парнишки порадовал меня, и я стала рвать эту дрянь уже всеми четырьмя лапами. И вот последний сгусток отталкивается от груди Милоша и летит мне в морду. Как же я испугалась! Но все обошлось. Я физически почувствовала удар, который швырнул меня на пол, хорошо хоть Хвату на колени не угодила. Ошеломленная и испуганная, я внимательно следила за тем, как, теряя остатки сил, тварь растворяется, маленькими искорками растекаясь по моей шерсти. Не соврал Ларен, не липнет ко мне никакая магия.

Есть! Все. Вот только сил совсем нет. Но оставаться здесь нельзя. Нужно спрятаться. А еще поесть бы. Силы восстанавливать нужно? Нужно. Вот зараза, как прятаться, так сил нет, а как про еду вспомнила, появились. Выбираю кусочек побольше, и под кровать. Кушать и спать. Вон парень спит уже, и мне пора отдохнуть от трудов праведных.

ГЛАВА 5

Пыли под кроватью нет, наверняка в комнате артефакт специальный имеется, но и ковра там тоже нет. Не холодно, но жестко.

И чего орет? Радуетесь? А орет зачем? Радуйся молча. Мы спим, а он...

— Милош! Боги милостивые... Милош, мальчик мой. Как же это?

— Пить.

— Сейчас, сейчас. Вот так, не торопись.

— Кошка где?

— Какая кошка? Не было здесь кошки.

— Как не было? Была. Маленькая такая, на котенка больше похожа, цветом как песок и пятнышки такие черные, лапки толстенькие, а еще кисточки на ушах и хвост короткий. Это она мне жизнь спасла. Посмотри на полу, она, может, испугалась да спряталась?

— Так нету нигде.

Нету, нету... Под кровать заглянуть живот, поди, мешает? Вылезти? Не вылезти? Или вылезти... Вот она я!

Тихонечко высовываю из-под кровати мордочку. Заметил.

— О! И правда кошка. Иди сюда, маленькая. Кис-кис-кис... Иди сюда, не трону.

Ладно, поверю твоим обещаниям, мужик. Смотри не обмани.

Вылезаю полностью и одним рывком вскакиваю на кровать. Милош протягивает ладонь. Позволяю себя погладить. Парнишка выглядит намного лучше прежнего. Дышит легко, улыбается. Глаза блестят, но руки подрагивают. Да и откуда у него силы-то! Но ничего, было бы здоровье, остальное можно исправить. Вот папаша спохватился....

— Милош, кушать хочешь? Я сейчас свеженького принесу.

Милош только головой кивнуть успел, а луноликий уже наверх вприпрыжку ускакал. Вот он идет, мясо тащит. Горячее. Придурок! Парень только с того света вернулся, а он ему мясо, овощи и что там еще — суп. Ну слава богу. Хоть что-то из того, что он принес, парнишке в рот взять можно.

Хват торопился. Его мальчик... Он сегодня улыбался. И самое главное, он дышал — легко, свободно. Все еще бледный, слабый, худой, но такой живой. И кошка... Откуда она? Да еще такая чудная. Ни разу такую не видал. На него шипит, а к Милошу ластится. Красивая. Шерстка густая, но при этом довольно короткая. Сама маленькая, а лапки крупные, мощные, костяк широкий, и глаза не совсем кошачьи, не бывает таких у домашних кошек. Может, котенок еще. Если сын прав и это именно она помогла ему излечиться, то ее с золотой тарелки кормить надо. Мясо она любит. Вон как принохивается... За что?! Пока усаживал Милоша поудобнее, спокойно сидела, протянул тарелку с мелко нарезанным мясом — когтями по руке полоснула. Ишь ты... Шерсть вздыбила, шипит. А и правда, что это он, пятый десяток доживает, а глупости делает. Чуть сам сына до беды не довел. Нельзя ведь ему сейчас мясо-то! Вот так кошка... То ли действительно все понимает, то ли себе аппетитные кусочки приглядела. Так для такой чудесной помощницы и не жалко.

Вкусно! Не пожадничал хозяин. Сам парнишку с ложки кормит, а мне все блюдо с мясом на стол поставил. Не-э-эт... кошка на столе? Каково! Не сидела бы сама на столе, не лопала бы с серебряного блюда, сама бы себе не поверила. Как же жалко, что вся эта прелесть в меня не поместится. И на улицу сходить не

мешало бы. Бобик мой, поди, волнуется. Вот придет время уходить, как я без него буду обходиться? Так, хозяин. Парень твой спит. Вон даже кушать устал, слабый такой, а я ору у дверей... Слышишь? Выпускай. Понятливый. Обе двери самолично открыл и даже ногой для ускорения не подпихнул. Уважаю.

Уже десять дней живу как королева, на серебре ем, на кровати сплю, но только ночью, а днем у меня дела. Тренировки никто не отменял. Время идет, и я меняюсь. Становлюсь сильнее, крупнее, привыкаю быть кошкой. Нашла в тайных хоромаш Хвата огромное зеркало и в первый момент не поверила своим глазам. Мелкая, бледно-рыжая, почти розовая, но совершенно обычная кошка, в которую обратилась Ланья, канула в небытие. А ведь я заподозрила неладное, еще когда Милош описывал мой облик отцу. И вот я стою с открытой пастью и выпученными глазами. Любуюсь милым котенком рыси, с нетипичным для его морды выражением. Пасть захлопнула, глазки закрыла. Вдох. Выдох. Смотрю еще раз. Ничего не изменилось. Опа! А ведь это великий и ужасный что-то намудрил! Нашел он свитки древние и... Умнее, видимо, не стал. Привязку делал к одной душе, а в теле их оказалось две, причем та, которую привязывали, ушла. Да, тело осталось, но оно, во-первых, имеет свою магию, а во-вторых — душа не та! И теперь я, по-видимому, тоже кое-что могу. Больше всего из всех кошачьих в моем мире мне нравилась именно рысь. И вот вам, пожалуйста.

А Ларен сам себя перехитрил. Ланью потерял. Отсрочку от женитьбы тоже. Меня он теперь точно не чувствует, нет ее, ниточки связующей магической. Да и выкидывал он из кареты обычную кошку. Ну, теперь жди меня, граф. Найду. Накажу. Вспомнишь ты еще Ланьюшку, девочку безобидную, глупенькую и очень удобную, задвинул бы ее в дальнее имение и жил бы себе спокойно! Ан нет... Свободы тебе захотелось? Сильнейшим и умнейшим себя почувствовал? Ну-ну... Уж я-то о тебе не забуду, мимо не пройду! Научиться бы теперь скрываться да прятаться, а то ведь люди мимо такой диковинки точно не пройдут. Охоту устроят.

Нужно в столицу идти. Суженого-ряженого искать. Пока маленькая, спрятаться проще и на жалость людскую давить сподручнее, а значит... Значит, прощаться будем. Милош уже ходит сам. Румянец на щеках появился. Кормит его папенька на убой. Ну так это их жизнь. Бобик мой потихоньку привык уже один спать. Вот его жалко. Люблю собак. Верные они, искренние, но всю жизнь под боком у Бобика не проживешь. Пора бы уже узнать, как там Ларен поживает. Ох, интересно...

ГЛАВА 6

Постоялый двор встретил меня шумом и гамом. Прибыл очередной караван. Множество людей устраивалось на ночевку. Состоятельные снимали комнаты, ужинали в большом зале на первом этаже. Основная же масса собиралась ночевать возле своих телег или прямо под ними и готовить ужин на костре. Как я поняла, на время пути караванщик нанял кашевара и за небольшую доплату все желающие могли питаться из общего котла. Караван был не просто большой, а очень большой. Я насчитала только охраны человек сорок. Горластые мужики, молчаливые, очень тихие женщины и несколько непоседливых ребятишек составляли его основу. Из их разговоров я смогла понять, что караван идет в столицу, повезло мне, но вот наличие в караване детей не радовало. То, на что взрослые не обратят внимания, обязательно заметят дети, но большое количество груженных телег и фургонов радовало. У меня появлялся отличный шанс для того, чтобы найти себе безопасное убежище на время пути.

Как хорошо, что в караване не было собак. В течение ночи я смогла проверить все, что движется на колесах, и нашла несколько неплохих убежищ для себя маленькой, в которых можно будет спокойно спать, не опасаясь, что меня обнаружат. Товары и вещи в телегах и фургонах были закреплены очень крепко, и основательно никто их ворочать до самого приезда на место не будет, а значит, и волноваться мне совершенно не о чем. Вот только еду придется самой добывать. Я, конечно, уже неплохо научилась охотиться, но вот есть то, что ловила, я еще не пробовала, Бобику своему носила. Жаль... Жаль, что мне как человеку нельзя с собой узелок с припасами взять, кашку на костре сварить, из общего котла пайку — кусочек получить.

Рассвет я встретила в очень удобном убежище, среди рулонов тканей. Мягкое покачивание и крики возниц убедили меня в том, что караван тронулся в путь, и я уснула, полная надежд на светлое будущее.

Как же много людей! Все ходят, что-то делают. Кто нужное, кто ненужное, а я вот сижу и никак не решусь выбраться. Чувствую лес. Слышу его дыхание, шелест... и никак. Они все ходят и ходят, неугомонные какие-то. Вечер уже. Стемнело. А мне надо, очень надо. В ле-э-эс!.. Ну наконец-то. Надо как-то приспособливаться. Своим ходом за караваном бежать, что ли? А успею? Значит, придется успевать, не очень-то они быстро и двигаются. Но опять же бежать придется весь световой день. Днем в кара-

ван не проберешься, а валяться весь день в телеге тоже не дело. Ладно, завтра попробую, а сейчас надо покушать найти. Вон два охранника-ротозея у костра сидят, на огонь смотрят. Им моего сэнсэя в учителя, огребли бы сейчас по самое не балуйся. Я хорошо помню, как на уроках по выживанию в дикой природе он меня поучал: нельзя сидеть ночью, глядя на костер, если ты в дозоре, нельзя близко к костру сидеть, нельзя есть, нельзя разговаривать. А эти? Зато мне хорошо. Ветки в костре потрескивают, искры летят, огонь глаза слепит, тень от их тел темная. Все это меня лучше любого заклинания спрячет.

Получилось. И мясо вкусное. Жаль, воды из фляжки напиться не удастся, и не потому, что я ее утащить не могу, а потому что пробку тугую лапами не вытащу. Придется ручей искать. Где-то же они воду для вечернего чая набирали?

Все спят. Ну или почти все. Начнем. Всю стоянку обходить не пришлось. В этом месте, наверное, не один караван останавливался. Тропка к ручью хорошо натоптана. Ой! Нить, магическая. Сигнальная. Сейчас весь лагерь подниму или мага только? Это в караване маг есть? А я ни сном ни духом! И все равно... Пить хочу!

О как! Я линию пересекла, и ничего. Она так настроена, чтобы на мелочь типа меня не реагировать, или меня не видит? Отлично просто. Какое это чудо, чистая, вкусная, холодная вода! Куда спать пойдём? В телегу. Там мягче, удобнее. Надо только успеть в лес уйти до того, как основная масса народа встанет.

Ничего не видела, ничего не слышала и устала как собака. Весь световой день на ногах. Эти нехорошие караванчики остановку в полдень делать не стали. И идут вроде бы не быстро. Я вполне успеваю, но целый день... Нет, утром я еще позанималась — попрыгала, поохотилась, даже птичку небольшую употребила в качестве завтрака. А что? Голод не тетка. Правда, от перьев отплеиваться устала, а так ничего, вкусно. Может, это тело кошки так влияет на мои вкусовые пристрастия, но сырое мясо я теперь вполне смогу употреблять в больших количествах. К полудню уже устала и готова была с большим удовольствием отдохнуть. А они? Идут и идут. Думала, не дождусь сигнала, возвещающего остановку на ночлег. Но как же хорошо, что я не лошадь! Сил хватило только на то, чтобы попить и спрятаться в развесистой кроне дерева, растущего возле стоянки. Пичугу какую-то из дупла прогнала, яичками поужинала и, довольная собой, уснула.

Еще в детстве я поняла, что в организме очень много мышц и все они могут болеть. Сейчас я это вспомнила. Болит все, а по-

душечки лап еще и кровоточат, слишком много препятствий возникало на моем пути сегодня. Я, конечно, успела до полудня поохотиться, и даже удачно, но вот дальнейший путь с набитым желудком показался мне адом. Боги! Когда собиралась в столицу, я была такой наивной дурочкой. Мне казалось, что может быть проще, чем путешествие в уютном тайничке. Я даже представить не могла, сколько трудностей мне придется преодолевать и как непросто это будет. Одно хорошо: благодаря магии графа Двардского я каждое утро просыпаюсь полностью восстановленная, готовая продолжать путь.

Десять дней мы двигались через лес. Я была довольна собой. Не поддавалась слабости и боли, не спряталась в телеге, не искала более легкого пути. Стала крепче, выносливее, подросла... и тут вдруг он кончился. Караван медленно и неторопливо втягивался в городские ворота, а я стояла на лесной опушке и наблюдала за ним издалека. Ну очень издалека. Слушая разговоры людей у вечернего костра о городе под названием Линишта, я умудрилась сделать совершенно неверные выводы, результатом чего и стало мое нынешнее положение. Как теперь в город попасть? Как найти нужный мне караван? Смогу ли я найти их в этом огромном городе? Идти сейчас? Или ближе к вечеру? Все же лучше дождаться сумерек.

Боги, ночь на дворе, а у них по улицам народу больше, чем днем, шастает! И самое главное, в густой ночной тени, отбрасываемой тусклыми, редкими фонарями, и то покоя нет. Все лапы отдавили. Один ненормальный даже поймать пытался. Пришлось путешествовать по крышам. Улицы узкие. Дома стоят близко. Крыши во многих местах смыкаются. Красота! Вот только не одна я так считаю. Конкурентов тьма, как четвероногих, так и двуногих. И если четвероногие признают во мне хищника и уступают дорогу, то темные личности, закутанные по самые брови, прутся по своим делам и под ноги не смотрят. По крышам? Ну их, конечно, не так много, но троих я точно видела. А город — дрянь, большой, но грязный, тесный, вонючий.

Мне повезло. Караван остановился на ночь на постоялом дворе не очень далеко от ворот. Вон лошадки знакомые стоят, телега опять же, родная почти, и охрана все так же вполглаза бдит. Все так, но вот в свое мягкое гнездышко мне удалось попасть только под утро, а все собаки. Но вот я уже снова в пути. Город покинули на рассвете почти сразу же после того, как я спряталась. Хорошо.

Расслабилась. Поверила в свою удачу — и вот результат: ошейник, цепь, клетка. А как же гладко все шло! Никто не видел, никто не слышал и даже не подозревал о моем существовании, а я внимательно прислушивалась к разговорам людей и пряталась в свое убежище заранее. В городах всегда умудрялась полакомиться чем-нибудь вкусеньким, а в дороге удачно охотилась, начиная гордиться собой и своей изобретательностью. И вот чем мое самодовольство закончилось. В столицу мы прибудем уже завтра. Мои мечты и надежды разбились о суровую реальность. Ах, какая я дура! Ведь собиралась сменить место отдыха. Приглядела несколько наиболее удачных вариантов, но уверовала в свою безопасность и не захотела менять такое удобное гнездышко. А у гнездышка был хозяин. Вот он-то меня и заметил. Объявлять о моем присутствии в караване не стал. Подготовился и без особых проблем завладел моей спящей тушкой. Почему спящей? А просто все — пучок трав поджечь, притушить и дымком обкурить груз. Не успела я проснуться. Устала днем очень. Очнулась, а тут сюрприз, и не скажу, что приятный. Этот хитрый мужик не поленился, всю ночь грузы свои один разгружал, а потом на место укладывал, закреплял, а самое главное, небольшую клетку, ошейник и цепь заранее приготовил. Да и то сильно не перетруился, потому как здоровый, словно медведь-гризли, такой же квадратный. Руки длинные, ладони как лопаты совковые, голова лысая, глазки маленькие, нос мясистый крючком и почти полное отсутствие губ красавчиком его точно не делали.

Утром он, довольный собой, хвастался, показывая всем желающим необычную кошку, которую он собирается выгодно продать охочим до диковинок аристократам. Нет, меня не били. Прутиками тыкали в клетку, и все. Очень уж им хотелось взглянуть, как я шипеть буду, зубы скалить, ну или мяукать хотя бы. Не порадовала я их. Сначала сидела посреди клетки, безразличная ко всему окружающему, а потом вообще легла на бок. Лапы вытянула и начала изображать полудохлую особь. Мужик всполошился. Начал воду мне подсовывать, мяса кусочки. Потом даже клетку открыл, правда, сначала цепь от ошейника к прутьям клетки покрепче прикрепил, а сам попытался меня насильно напоить. Пить, конечно, хотелось, но моя личность сильнее инстинктов тела. Глаза не открыла. Пить не стала. Новоиспеченный хозяин ругаться начал. Мужики над ним посмеивались: али дохлятину на рынок привезешь, говорят, а этот придурок пообещал шкуру с меня снять и ее продать, если сдохну.

Глаза закрыты, но это не мешает мне слушать звуки и запахи. Город огромный. Людей не просто много, а очень много. Прямо от городских ворот караван начал распадаться. Купцы и мелкие торговцы повернули к рынку, караванщик и охрана на постоянный двор, все остальные, кто путешествовал с нами по своей надобности, постепенно сворачивали на соседние улочки и улицы. У моего временного хозяина в городе была небольшая лавка, примыкающая к маленькому домику. Вот в нее он мою клетку и притащил. Поставил в уголок, подальше от входа. Подсунул под самый нос воду и мясо и прекратил обращать на меня внимание. Да и правда, куда я денусь-то! Вот сыновья его набегали. Разгружаться помогают. Товар раскладывают. Зря осторожничала. Знала бы, специально бы ему гадость сделала. Вон кошки своим хозяевам за обиду в тапки писают. А я чем хуже? Вот бы они сейчас над своим товаром побегали! Да, мысль, конечно, интересная, но шкурка своя дороже все-таки. За такое ее с меня точно спустили бы. Встать попить? Нет, до ночи подожду. И вообще... Я маленькая, слабенькая, безобидный котенок, короче. Немножко не такой, как все. Ну и что? Кто сможет определить, взрослая я уже особь или котенок, если они таких, как я, не видели? Никто. Нужно внимательно к разговорам прислушиваться. Глядишь, и придумаю что-нибудь стоящее.

Товар разгрузили. Меня обсудили. К единому мнению не пришли. Двое старших, лет пятнадцати-шестнадцати, статью и внешностью похожие на отца как две капли воды, были согласны с отцом: я — взрослая особь, можно выгодно продать. Младший, лет десяти, тонкий как тростинка, звонкоголосый, ласковый, лохматый и немного неуклюжий, как маленький медвежонок, просил отца о подарке, очень уж я ему понравилась. Жадность торговца в мужике победила, и меньшему в просьбе было отказано.

Ночь прошла спокойно. Попить я попила, есть не стала, а еще сделала в углу клетки все свои естественные надобности. Ну а что они хотели? Я живой организм. К утру в довольно маленьком помещении нечем было дышать. Ах, как меня порадовали хозяева, пришедшие в свою лавку! Открыть они ее открыли, но вот торговать с самого утра начать не смогли. Пока убрали все. Пока сбегали в магическую лавку за амулетом, освежающим воздух. А что? Ткани-то тоже провонялись. Старший лавочник уже не так сильно радовался моему присутствию в своей обители.

А еще через три дня злобно плевался в мою сторону. Посетители его лавки и покупатели, конечно, с интересом разглядывали мою неподвижно лежащую на полу клетки тушку, но большого интереса я у них не вызывала. Во-первых, цена в три золотых за мою тощенькую, неподвижную, полуживую тушку их не устраивала. Во-вторых, контингент посетителей состоял из людей, не склонных выбрасывать деньги непонятно на что непонятно зачем. Есть я по-прежнему не ела, а потому мой подростковый организм быстро терял свою привлекательность: шерстка потускнела, глаза помутнели, кости же, наоборот, стали потихонечку выпирать все сильнее и сильнее. Еще денек — и папочка решится отдать меня младшенькому отпрыску, который так и не перестал его уговаривать подарить кошку, а там, глядишь, и вольную удастся получить. Размечталась. Чтоб у вас лавка сгорела... Ишь чего выдумали: мальцу отдать, но на цепи держать, а если у него получится со мной договориться, вот тогда покупателя потихоньку и подыскать. Как же хочется завывать... Считала себя такой взрослой, такой умной, такой предусмотрительной, над Ланьей смеялась, а сама? Дура душой.

А кошки, оказывается, умеют плакать. Слезы... Они сами текут по шерстке, и я только сейчас понимаю, что Ланьешка была не слабой девочкой, а, наоборот, сильной. Не каждый сможет уйти так, как ушла она: решительно, уверенно, доказав и наказав своего обидчика. Вон хозяин вчера весточку читал: женят графа, без длительной помолвки и предварительного договора женят. А она ушла. Не стала унижаться и выпрашивать милостыню, не стала пресмыкаться. Нашла в себе силы, преодолела страх, голод, боль, желанья и надежды. А я? Что делать мне?

Колокольчик, прикрепленный на двери, отрывисто звякнул. В лавке посетитель? А почему молчит хозяин? Он же всегда к посетителю и начинает расписывать ему достоинства своего товара. Шепчет... О чем? Почему?

А, посетитель аристократ! Пьяный аристократ, что вдвойне страшнее. Нет, пьяный маг-аристократ — тройне.

— Ваша милость! Ваша милость! Как же так? Что же делать-то? — Вон как зачистил. С перепугу язык заплетается. А господин-пьяница повис на нем, но... Глянь-ка, кто пожаловал!

— Ты кто? Зачем меня схватил? В крысу превращу. Хочешь? Не хо-о-очешь... Правильно не хочешь. Ты, смерд, думаешь, я пьяный? Нет. Я злой! Разозлили меня. Ты знаешь, кто я? Знаешь? Я Ларен, граф Двардский! (Помяни черта, он и явится.) Я сильнейший маг в этом городе. Если захочу, полгорода сожгу

сейчас, а вторая половина завтра сама умрет. От болезней. Понимаешь? Никто не может смеяться надо мной безнаказанно! Никто. Я всех их запомнил. Знаю, кто все это придумал. Тварь старая! Думает, выйдет за меня и я буду по ее команде прыгать и спрашивать на лету, как высоко мне нужно лететь? Магичка... Слабосилка тупая. Своей силы не хватает даже на то, чтобы молодо выглядеть. Король ей эликсир покупает. Замуж выдает. И не абы за кого, а за того, на кого она пальцем указала. Почему? Пожалеет, тварь! Ты кто такой? Ты знаешь, что у меня праздник? Женюсь я завтра! Что ты мне подаришь? Я могу выбирать? А если я захочу все, что вижу? А-ха-ха! Ты, смерд, зачем котенка в клетке держишь? Зачем животное мучаешь? Ты не маг! Давай сюда кошку. Зачем мне твои железки. Завтра придду. Накажу тебя. Жди!

Удивительно верным движением для жутко пьяного индивида граф превратил клетку, ошейник и цепь в ржавую пыль и, подхватив мое обессиленное тельце, затолкал за пазуху своего щегольского камзола, а я туда еле-еле поместилась, потому как подросла за то время, что мы не виделись. Хорошо, что похудела сильно за последние дни, а то бы у него этот фокус наверняка не получился бы. А так он с минуту постоял покачиваясь, а затем, резко повернувшись, вышел на улицу. Там его уже ждали. Четверо молодых парней подхватили его милость под руки и усадили в карету. Мое сердце тревожно сжалось. За пару минут моя жизнь сделала очередной крутой поворот, и вот я рядом с тем, кому собиралась отомстить. Буду ли? Не знаю. Дожить бы до завтра. А интересно, как он вообще в эту лавку забрел? Почему пил? На ком женится? Почему согласился?

Удача повернулась ко мне лицом. Обидчика искать не пришлось. Сам нашелся. Сам в свой дом притащит. Сам пожалеет об этом. Или нет? По-моему, я уже не очень-то на него и злюсь... Боги уже наказали его. Поживем — увидим.

ГЛАВА 7

А особняк-то какой шикарный! Два этажа, кованая ограда и ворота, подъездная дорожка к широкому крыльцу, цветники, сад, конюшни. Красота! Все это я успела рассмотреть, пока графа под белы ручки из кареты доставали. Высунула мордочку чуть-чуть и рассмотрела. А вот потом пришлось со всей силы коготками в камзол вцепляться. Граф-то своих подручных од-

ним взмахом в стороны раскидал и пошел по лестнице, как моряк по палубе в жуткий шторм. Хорошо у меня желудок пустой. Но все равно укачало. В комнату зашел, магический замок замкнул. И граф поперек кровати повалился. Вот рефлекс у мужика! Хорошо, что я выскользнуть успела, а еще хорошо, что я эти дни ничего не ела. А то был бы ему подарочек пахучий с утра пораньше, и вряд ли я долго прожила бы в этом случае. А так, гм, нечем. Зато ужин, стоящий на маленьком столике, меня порадовал. Обожраться мне магия не даст, из-за нее же и живот болеть не будет. Можно покушать и подумать. Прятаться от него? Убегать, пока время есть, или что? Но сил-то нет... Остаться? А ну как на опыты пустит?

Прелесть! Столик с ужином стоит вплотную к креслу. Выбор яств... Мням! Обожралась. Еле-еле на кровать пузо затащила. Человек! Подвинься! Я пришла! Ты упился допьяна. Я наелась допьяна! Мы молодцы! Завтра будет завтра.

О! Утро. Солнечные лучи робко и нерешительно заглядывают в комнату через неплотно прикрытые шторы темно-синего цвета, но и этого достаточно для того, чтобы разглядеть окружающее меня великолепие. Большая комната совершенно не выглядит загроможденной, хотя мебель в ней стоит массивная. Большая кровать, без рюшей и балдахин, поражает мое воображение своими размерами, а два кресла у камина притягивают взгляд, обещая уют и удобство. Еще одно кресло у кровати и маленький столик, остатки ужина на котором живо напоминают мне о вчерашней трапезе. Стены затянуты серой, чуть мерцающей тканью, кресла обтянуты темно-синим материалом, очень похожим на бархат, и самая главная прелесть — огромный ковер с длинным ворсом. Все оттенки серого и синего сочетаются в его узорах, очень органично создавая ощущение уюта и безопасности. Новый день вступает в свои права, но, глядя на графа, хочется сказать «утро добрым не бывает». Лицо помятое, волосы в полном беспорядке, одежда мятая, обувь грязная. А запах... Сразу видно, проблемы у мужика. Ай, и у меня проблемы... В туалет хочу! Так, пьянь, вставай! Киса гулять хочет! Срочно! Прыжок на его спину. Потопаться... О, ожил! Теперь в сторону.

Сел. Уже хорошо. Глаза не открывает. Плохо! Ждем. Ой, как мужику плохо... Было... Пальцами щелкнул и вот уже какое-то магическое плетение себе в нос впаял. Сам! Себе! Нашатырь магический, что ли? Вон как головой трясет. Замер. Открыл глаза и взглядом, живенько так, по комнате зашарил. Меня ищет?

Вспомнил вчерашнее? Нашел. А я что? Лежу на кровати, смотрю на нового хозяина. Его помятой физиономией люблю.

— Так, живность. Иди сюда.

Раскомандовался... Куда ручки тянешь? Какая такая живность? Куда иди? А где ласка? Обещания? Кусочек вкусенького?

— Сюда иди, сказал. На опыты пушу!

Приласкал, пообещал... Гад. Встаю и тихонечко, на полусогнутых подбираюсь к его протянутой руке. Пытаюсь изобразить обычное животное, домашнее. Обнюхиваю его пальцы. Фыркаю. Чихаю.

— Глянь какая... Чистюля. — Меня хватают за загривок и притягивают на колени, поворачивая пузиком кверху. Поджимаю свой короткий хвостик и пытаюсь вывернуться. — У-у-у-у! — К моему великому изумлению, голос графа меняется. Становится ласковым, журчащим. Пальцы поглаживают легко, аккуратно. Почувствует? Свою магию почувствует? Поймет?

— Ну, ну! Не волнуйся. Да ты, девочка, у нас котенок. Вот только кем ты вырастешь, я никак понять не могу, а еще я вспомнил, как вчера сам себе тебя подарил! Будешь теперь со мной жить. Надеюсь, у меня тебе больше, чем в клетке твоей, понравится. Как же тебя назвать? Не можешь же ты без имени ходить. А если — Мира? Мирочка?

С именем почти угадал, а вот магию свою не почувствовал. Намудрил с древним заклятием так, что сам его теперь не видит. Хорошо? Да! Для меня. Если бы почувствовал, то длительные опыты были бы мне обеспечены. Ну как же! Заклятие вот оно, а кошка не та и душа не та, но мне повезло. Молодой, самонадеянный, не почувствовал.

— А ты девочка у меня непростая. Да? Магия с тебя соскальзывает! Так это и хорошо. Все меньше тебе от мадам моей будущей доставаться будет, потому как ее-то я в дальнейшем поместье отправить точно не смогу.

Все, Ларен. Ты, конечно, изумительно интересно рассказываешь, но я в туалет хочу. Выпускай меня! Вскочила с его колен и, кинувшись к дверям, пронзительно замыкала. О, понятливый какой! Лоточек мне в уголке организовал и, судя по магическому плетению, пахнуть он всегда будет только розами и очищаться сам по себе. Ну что, пусть так. Я уже и нестеснительная совсем. Тем более очень хочется, а хозяину нужно показывать себя только с хорошей стороны. Хорошо! Теперь на ручки. Ты говори, говори. Я слушаю. Я тебя теперь всегда слушать буду.

О! А вашу милость кто-то потерял. Вон как в дверь долбятся! Глянь, сидит и ухом не ведет, но гладит нежно, аккуратно.

— Видишь! Наказали меня боги! За девчонку, погибшую по моей вине, наказали. Кто же знал, что эта глупая гусыня умудрится умереть, имея такой мощный защитный артефакт на шее. Это же надо было еще постараться! А я теперь не могу узнать, что произошло. Она должна была жить долго и ждать меня. Лет через пять я бы ее нашел, приласкал, заклятие снял, женился, и жили бы мы долго и счастливо. Ну, я был бы счастлив. Послушная, молчаливая, незаметная жена, что может еще желать мужчина. Нет, она умудрилась умереть! И вот сегодня у меня свадьба, а поговорить мне о ней не с кем. Скажешь, свадьба есть свадьба, что о ней говорить? О-о-о! Моя свадьба — событие этого сезона. О ней будут говорить долго и вряд ли когда-нибудь предадут забвению. Все гадают, как можно было заставить меня идти в храм. Почему на браке так неистово настаивает его королевское величество? Ему хорошо, он женат. А я потерял невесту. Маги, ведущие поиск, подтвердили гибель девчонки, и я оказался лучшей кандидатурой в ее планах. Кого ее? Так герцогини Альбертины Гранской. Эта старуха... Да, старуха! Ей уже двести лет. Она более чем вдвое старше меня. Выглядит молодухой лет тридцати, но это только потому, что король присылает ей магический омолаживающий эликсир. Стоит он бешеных денег, готовится очень долго и является большой редкостью, так как делает его один-единственный маг в королевстве. Теперь таких дураков будет два. Эликсир этот забирает у мага-изготовителя очень много сил, и ему просто некогда заниматься ничем другим, да и сил на другое не хватает. Я сильный. Очень сильный. У меня хватит сил на его изготовление, но и только. Зачем она мне нужна, эта жена? А ни за чем не нужна! Все думают, я короля испугался, лишения титула, земель. Нет! Король здесь ни при чем. Он просто попросил, а решение принимал я сам. Чем она короля шантажирует, я не знаю, а вот меня — сыном. Да, у меня есть сын, и до недавнего времени он спокойно рос в маленьком имении под присмотром няньки, учителей и пары охранников. Теперь его там нет. Как его смогли выманить за пределы усадьбы? Где он сейчас? Я не знаю, слишком мало времени уделял этому ребенку. Она обещает, что сразу после заключения брака я смогу увидеть своего мальчика, но я чувствую, что не все так просто. Да, магическую клятву нельзя нарушить, но ее можно обойти. Как? Это мне предстоит узнать уже завтра.